

Всю глубину этой потери, как и в случае с Вячеславом Михайловичем Клыковым, мы ещё долго будем осознавать. Центральные СМИ, ещё в полную меру не освободившиеся от леволиберальной болезни и в течение десятилетий не пускавшие его на экран и на полосы газет, отозвались на его смерть в весьма сдержанных тонах: умер известный русский писатель, яркий представитель деревенской прозы, словно в определении «деревенский» есть что-то уничижительное.

На столе передо мной программка Иркутского театра юного зрителя. Спектакль «Прощание с Матёрой». На ней рукой Валентина Григорьевича Распутина: «Приезжай, Миша, в Иркутск ещё, а я приеду в Уфу. 7 октября 2003 года». Приехав в Уфу на церемонию вручения ему Аксаковской премии, он подарит мне свою книгу «Сибирь, Сибирь...»

в соавторстве с фотохудожником Борисом Дмитриевым с надписью «Мише Чванову дружески, в надежде на сибирские встречи».

Так мы поочередно ездили друг к другу. Впрочем, в Уфу он приезжал не ко мне, а к Сергею Тимофеевичу Аксакову. Валентина Григорьевича Распутина отличала великая скромность. Однажды на каком-то большом общественном форуме, кажется, на одном из съездов Всемирного Русского Народного Собора в своём выступлении я назвал его великим русским писателем, в перерыве он резко отчитал меня за это, наверное, никогда я не видел его таким возмущённым: «Не нам с тобой судить...». Несмотря на многолетнюю дружбу, я долго не мог перейти на «ты», что его раздражало. Не скрою, с большим трудом, как и в своё время Василия Ивановича Белова, ставшего первым лауреатом Всероссийской Аксаковской литературной премии, мне удалось уговорить Валентина Григорьевича приехать на Международный Аксаковский праздник, даже они поддались лжи, усердно выливаемой в 90-е годы на Башкирию, как на рассадник сепаратизма и антирусских настроений. Приехав, он, как и Василий Иванович Белов, полюбил Башкирию и, несмотря на чрезвычайную занятость, болезни и на то и дело сваливавшиеся на него беды, он приезжал ещё несколько раз. Он полюбил Уфу, завидовал её ново-

стройкам, в противовес Иркутску, где строительные краны тогда были большой редкостью, любил после торжественного Аксаковского вечера в Аксаковском народном доме в одиночку, наедине со своими мыслями, в сумерках, под шорох листопада обойти дом, в котором Сергей Тимофеевич Аксаков провёл своё раннее детство.

Два человека, которые «сломали» мою жизнь, выбили её вроде бы из сложившегося в мои тридцать с немногим лет течения жизни. Это — великий печальник славянства, президент Международного фонда славянской письменности и культуры, духовного восприимника созданного И. С. Аксаковым Московского славянского комитета, сыгравшего огромную роль в освобождении Болгарии, Сербии и Черногории от 500-летнего османского ига, выдающийся скульптор Вячеслав Михайлович Клыкков, положивший свою жизнь, как и И. С. Аксаков, на попытку духовного объединения разорванного славянства перед нынешними и грядущими общими бедами. Другое дело, нужно ли это было славянству, которое ещё в древности почему-то разбежалось сначала на южных, западных и восточных славян, потом каждая ветвь снова разделилась, и по сей день славянство всё делится и делится, порой в кровавых «братских» междоусобных разборках, а некоторые братья-славяне вообще пытаются отказать от славянства, как от

заразной болезни, придумывают себе на уровне шизофрении мифических предков, вроде укров. Будучи неисправимым идеалистом, Вячеслав Михайлович Клыкков сторел на славянской идее. Глотая горечь братского славянского раздора и постепенно освобождаясь от сидящего внутри меня славянофила, я проеду и пройду с Клыкковым и уж без него по славянским странам, стану свидетелем, как спасённые Россией по зову И. С. Аксакова братушки-болгары будут бегать по Русскому проспекту в Софии с транспарантами «Лучше турки, чем русские», и 500-летнего турецкого ига, оказывается, не было, освобождая от которого Россия положила на чужих полях сражений почти 300 тысяч своих солдат и добровольцев, в школьных болгарских учебниках уже будут писать, что было не что иное, как «благодарное турецкое присутствие». При мне на памятнике Алёше-освободителю в Пловдиве будут малевать чёрной краской: «оккупант», а супердемократическая газетёнка с так знакомым нам ленинским названием «Искра» выйдет со статьёй «Кирилл и Мефодий — греческие агенты, внедрённые в болгарское самосознание». Я окажусь в пекле страшной межславянской войны в Югославии, где, защищая одних славян от других, снова сложат головы русские добровольцы, а под занавес её братушки-болгары радостно предоставят свои аэродромы под

самолёты НАТО для удобства бомбёжек сербских городов... Кстати, умер И. С. Аксаков — не выдержало, разорвалось большое сердце — от вести, что только что освобождённые Россией от турок болгары и сербы начали войну между собой. О сегодняшнем славянском братстве умолчу.

Второй человек, кто «поломал» мою судьбу, изменил её вектор — Валентин Григорьевич Распутин, не менее великий печальник Земли Русской. Наверное, у него не менее, чем у Клыккова, болела душа по братьям-славянам, и друзей среди братьев-славян было у него не меньше. Но он полностью был согласен с выводом И. С. Аксакова, который тот сделал и выразил в письме к родным из Черногории во время путешествия по славянским землям, вывод, который, как никогда злободневен сегодня: «Я вообще убедился, что только одно есть действительное средство поднять славянский дух в прочих угнетённых племенах, — это чтобы сама Россия стала Русью: этот один факт, без всякого вмешательства политического, без всякой войны, оживит и направит на путь дух прочих онемеченных, обитальяненных, офранцузенных, отуреченных племён славянских...» Обжёгшись на идее славянского единения, Валентин Григорьевич напишет горькую статью. «Что дальше, братья-славяне?», он скептически относился к моей «славянофильской» болезни: «Зря убиваешь

время. Достоевский всё сказал по этому поводу. Надо восстанавливать Россию!» И, руководствуясь этим постулатом, В. Г. Распутин свою жизнь положил на то, чтобы Россия стала Русью. Тогда стрелка духовного компаса братьев-славян сама собой твёрдо развернётся на Россию, а не будет метаться растерянно из стороны в сторону, а то и вертеться по кругу, как это бывает с компасом на Северном полюсе.

Не помню уже, когда и где, но, точно, на одном из первых праздников славянской письменности и культуры в 80-е прошлого века, который мы: Международный фонд славянской письменности и культуры и Союз писателей России (зачинателем праздника в России в своё время был опять-таки И. С. Аксаков) тогда возрождали, и инициаторами и знамёнами его были Клыкков и Распутин, власть только потом присоединилась к нему, сделав его официально номенклатурным, я, выбрав момент, подступил к Валентину Григорьевичу:

— Приближается 200-летие со дня рождения Сергея Тимофеевича Аксакова, которого до сих пор мы стесняемся назвать великим писателем. Ну, может, отметят юбилейным вечером в ЦДЛ или Доме союзов, а дальше — до следующего столетия? А его сыновья: Иван, Константин, на которых повешен ярлык: «славянофилы», это у нас ныне вроде ярлыка «враг народа». Нужно создать какой-то общественный

комитет, который поставил бы во главу угла своей деятельности — возвращение России этих славных имён, что они не только прошлое, но и настоящее, и тем более будущее России... Может быть, Вы возглавите такой комитет или общество?

— А почему всё должен возглавлять я? — неожиданно резко спросил Валентин Григорьевич.

— Ваш авторитет...

— Аксаковы — сами по себе авторитет, — прервал он меня. — Создай!.. И возглавь...

Уже позже, остыв, он подошёл ко мне:

— Ты прости, что я так резко. Но все ко мне с одним и тем же: возглавь, создай, реши, помоги.... Если возглавлять, значит, надо, засучив рукава, работать, а роль свадебного генерала я не приемлю, и я не семижилый, один только Байкал почти все силы у меня отбирает. Приходить обитать пороги. И не очень-то ко мне прислушиваются... Аксаковы — дело святое, начни. А Иван Аксаков нами ещё не прочитан, в некоторых вещах он глубже Достоевского. Это — глыба. Какая потребуется от меня помощь, обращайся...

С тех пор прошло почти тридцать лет. И ордена у меня есть: и государственные, и церковные, и престижные премии, но главной наградой для меня было и, наверное, останется, когда Валентин Григорьевич, приехав на очередной, уже Международный Аксаковский праздник, совпавший

с 10-летием созданного мной со своими единомышленниками Аксаковского фонда, в книге отзывов и пожеланий напишет: «Из всех фондов, которые я знаю, Ваш весь на виду — делается так много и открыто. С такой любовью и радением, что берёт добрая зависть: можем, умеем, делаем не для себя и своего круга, а для России, для её будущего...» (К тому времени уже стал первым лауреатом Всероссийской литературной премии им С. Т. Аксакова, учреждённой по инициативе Аксаковского фонда, Василий Иванович Белов, был создан Аксаковский историко-культурный центр «Надеждино», в который вошли восстановленный из руин Димитриевский храм, возрождённый на пепелище усадебный дом, в котором был открыт музей семьи Аксаковых, рядом встала школа народных промыслов, в Уфе была учреждена Аксаковская гимназия, Уфимским горсоветом были учреждены пять Аксаковских студенческих премий, Аксаковские дни прошли в Москве, в Белоруссии...) А на подаренном мне двухтомнике он напишет: «Михаилу Чванову от автора — с радостью, что есть на Руси такой человек, показавший, что и воин не один, и поле не одно...»

У всякого человека есть совесть, только у одних она спит или убита, у других — она объёмнее человека, в котором зародилась или которого для особой цели выбрал Бог, или наказал ею,

потому что нелегко с ней жить, потому что она становится совестью и тех, в которых она чуть теплится. Валентин Григорьевич Распутин был совестью не только умирающего Союза писателей России, сообщества людей, претендующих на совесть России, но у многих из которых у самих проблемы с совестью, но есть, часто не соответствующий таланту и мирским делам, избыток гордыни. Валентин Григорьевич был совестью всей России. И славянского мира тоже, в трудные, роковые для себя годы славяне вспоминали о нём, тоже просили: помоги, возглавь, спаси... В страшные 90-е годы Новой Русской Смуты дух русского, российского народа поддерживали два светоча: писатель Валентин Григорьевич Распутин и иерарх Русской Православной Церкви митрополит Петербургский и Ладужский Иоанн, страстные книги-проповеди которого, похожие на статьи Распутина, по сей день под негласным запретом официальной Церкви, она как бы извиняется за резкость и публицистичность их, призывающих не только на молитву, но и на борьбу с захватившим страну злом. Валентин Григорьевич Распутин никогда не перекрашивался. В советское время, когда, уничтожая русское, утверждалась некая советская общая национальность, он был принципиально русским, за что его, мягко говоря, недолюбливали власть и так называемая советская интеллигенция,

состоящая преимущественно из представителей «малого народа», назначившего себя, как мечтал Ленин, мозгом и совестью большого русского и всего российского народа. В постсоветское время, будучи по-прежнему русским, Распутин принципиально не отказался от принадлежности к реликтовому советскому народу, который, перемолов навязанное зло, остался русским и был далеко не худшей частью человечества. Леволлиберальная антирусская, антироссийская интеллигенция втихую ненавидела Распутина, не успели опустить в могилу гроб, как уже появились пакостные статейки о нём. Другие, вроде бы свои, по глупости подпевали им. К примеру, один региональный информационно-аналитический еженедельник, выходящий под девизом «Сейте разумное, доброе, вечное!», в коротком сообщении о смерти В. Г. Распутина то ли по глупости, то ли по изощрённости пакости возвещал: «Распутин был приласкан властью во все времена, он был удостоен практически всех возможных в стране наград и премий». Что касается первого утверждения, то это, мягко говоря, не совсем правда, что касается второго, действительно ещё в советское время был он удостоен многих правительственных наград и литературных премий. Да, советская власть вынуждена была с ним считаться, цензура была бессильна против него, она по большому счёту не могла ни к

чему прицепиться, грубо говоря, не могла ему, в отличие от прямолинейного Клыкова, пришить ни какую лагерную статью, своими глубоко художественными образами и средствами он сказал больше, горше о судьбе русского народа, чем, если бы выступал с трибун с политическими речами, хотя он не гнушался и трибун. Постсоветская ельцинская власть, хотя ельцинской она не была, Ельцин был лишь жалкой марионеткой у дорвавшихся до власти внуков и правнуков пламенных революционеров, его ненавидела, его отлучили от телеэкрана, от радио, она измывалась над ним со всей изощрённостью. Я не думаю, что это инициировалось из Кремля, скорее, было инициативой лево-демократических хунвейбинов. После того, как его однажды в Иркутске жестоко избили, потом переложив вину на сопливых хулиганов, но почему-то во всём квартале именно в это время оказались отключёнными телефоны, мобильных тогда ещё не было, и долго не могли позвонить ни в милицию, ни в скорую, леволлиберальная пресса с сочувствием, сквозь которое явно просвечивалось злорадство, писала, что после перенесённой тяжёлой травмы головы у него не всё в порядке с рассудком и он уже ничего не сможет написать. Доходило до бытовых гнусностей. Однажды, приехав в Москву, я позвонил ему. «Да, я дома, жду, только по пути зайти где-нибудь в туалет, справь

большую и малую нужду». Я растерянно молчал, одесский юмор был не присущ Валентину Григорьевичу. «Да тут местные хунвейбины отключили у меня, как у красно-коричневого, свет, воду. Уже несколько дней не умываюсь, соседей без крайней нужды стараюсь не беспокоить, хожу по нужде в метро, в Союз писателей...»

Кто-то в прощальной речи над гробом назвал его истинным губернатором Иркутска, имея в виду его непререкаемый авторитет в городе и в области. Отчасти, может, это так, но только отчасти. Есть города, которые тащат за собой зловещий и зловонный след, не могут освободиться от ветхозаветной революционной заразы. Свердловском, несмотря на переименование, остался Екатеринбург, недавно там пышно отметили расширение Центра Ельцина, прямого последователя незабвенного для России Свердлова. В какой-то степени таким остался Иркутск, ссылаемые сюда в разное время враги России, включая декабристов, тоже не зря проводили здесь время.

Однажды, прилетев на организуемый В. Г. Распутиным праздник «Сияние России», я попытался отказаться от запланированной моей встречи со студентами и преподавателями тамошнего университета: военные вертолётчики предложили мне пролетать по маршруту страшного Ледяного похода Белой Армии под руководством легендарного

генерала Капшеля в Гражданскую войну, в войсках которого было много наших земляков, в том числе башкир, татар... Валентин Григорьевич, обычно мягкий, строго отказал: «Я пригласил тебя специально в расчёте на университет, в последнее время меня туда не пускают, определив черносотенцем. Туда никого другого я послать не могу, там нужен такой боец, как ты». Напрочь отвергнутый ельцинской властью, глубоко переживая за судьбу России, он мечтал не в Кремле, а где-нибудь наедине, лучше всего, на Байкале, поговорить о судьбе России с В. В. Путиным, который был для него тогда, как и для многих, тайной: то ли, не набрав силы, до поры до времени тот вынужден был скрывать свои истинные представления о будущей России, то ли... Наконец это удалось. И именно на Байкале. При случае, также на Байкале, когда мы остались втроем на погибшей родине тогда ещё здравствующего замечательного русского писателя Л. И. Бородина, у которого за спиной были лагеря и тюрьмы за его русские убеждения, на бывшем полустанке Кругобайкальской железной дороги (я нашёл доску от некогда стоявших тут станционных строений, положил её на рельсы и попросил мимо проходившего мужика сфотографировать нас), я спросил Валентина Григорьевича, о чём они говорили с Путиным. «О России», — односложно ответил он. Потом добавил: «Больше я

пока не могу ничего сказать. Дал слово. Могу только сказать, что я несколько успокоился, хотя уже несколько раз обманывался, у меня появилась надежда, что впереди у нас свет, хотя будет очень тяжело, и не все его поймут».

Не только леволиберальной властью и её добровольными приспешниками Распутин был «приласкан» и «обласкан». Со стороны казалось, что он обласкан самой судьбой. Всю жизнь, можно сказать, словно в масле катался. Всегда на виду, на слуху, то и дело в разных президиумах, огромными тиражами на зависть братьям по перу издавались книги, ну и вышеупомянутые премии, конечно, опять-таки кое-кому на зависть, на него «сыпались». Но это только со стороны. Судьба настоящего писателя в России — всегда Голгофа, но в то же время — нет судьбы, нет писателя, ибо настоящие книги пишутся истерзанной душой. А талант, не более, как только средство.

Хотел ли он такой судьбы? Твёрдо могу сказать: нет! Всю жизнь он мечтал пожить тихо, спокойно, в ладу с близкими, с природой, наконец — с властью. Но Господь накануне новой русской смуты, о приближении которой тогда мало кто догадывался, почему-то избрал именно его, одарив сплошной чередой горьких потерь и обострённым чувством справедливости, стать одним из бесстрашных духовных защитников России. Уже в

раннем детстве Господь стал испытывать его. Хотя начиналось детство хорошо, более того, можно сказать, счастливое по тем временам было детство. В отличие от других детей, отец вернулся с войны, заведовал почтовым отделением, мать работала в сберкассе, словом, сельская интеллигенция, имеющая уважение и определённый семейный достаток. Но всё разом порушилось: у подвыпившего отца, возвращавшегося из райцентра, на пароме отрезали сумку с казёнными деньгами, денег было кот наплакал, но по тем жестоким послевоенным временам хватило, чтобы с огромным сроком загреметь на Колыму-матушку. Матери пришлось уйти из сберкассы. Тяжёлая работа в колхозе, трудодни-палочки, по которым ничего не получишь, трое детей. Как позже рассказывал Валентин Григорьевич, спасала тайга и река: рыба, грибы, ягоды, ловил бурундуков, их принимали в заготконторе, из них шили воротники, выдавая за беличьи. О голодной послевоенной детской безотцовщине Распутина мы знаем по пронзительному автобиографическому рассказу «Уроки французского». Более поздняя его биография осталась за кадром, она прямо не проявилась в его творчестве. Несмотря на широкую известность, он не стал публичным человеком, не только постороннего человека он не впускал в свою личную жизнь, его выстраданная биография глубоко запрятана в его книгах.

Что касается сына Сергея и дочери Маши, они не пошли по стопам отца, стали «нормальными» людьми. Нет печальнее распространённой картины, за редким исключением, когда у писателя дети, внуки — обязательно писатели, у кинорежиссёра — кинорежиссёры. Сын, Сергей, стал школьным учителем, дочь, Мария, музыкантом-органистом.

Одна из самых горьких потерь — под ликованье фанфар ушла под воду рукотворного моря его родная деревня Аталанка. В громадьё планов по строительству счастливого будущего страны она никак не вписывалась. Что касается её тихих жителей: лес рубят, щепки летят, и полетели щепки от топора в разные стороны. В судьбе родной затерянной в сибирской тайге деревни, в гибели сотен тысяч других русских деревень, не обязательно затопленных водой рукотворных морей, а исчезающих в результате так называемого укрупнения перспективных деревень, Распутин зримо увидел будущую вселенскую трагедию России, которую по дури или сознательно отрывают от корней, словно кто-то целеустремлённо и упорно осуществляет в одних случаях под звон фанфар, в других втихую план уничтожения сельской коренной России.

Подсчитано: десятки тысяч деревень погибло в послевоенное время в результате лево-троцкистских реформ, направленных на уничтожение русского народа.

Но цифры, как ни страшны они сами по себе, не отображают или не выражают всей сути и по сей день действующего сатанинского проекта. Пришёл ко мне однажды земляк, башкир, — а для меня все русские, кто болеет за Россию, — молодой учитель истории, с идеей поставить памятные или, скорее, поминальные кресты на территории нашего района на месте умерших, погибших, или, точнее, сознательно убитых русских сёл, деревень и хуторов. Почему-то болела у него, башкира, душа по ним — видимо, глубинным нутром понимал он, что вслед за русскими придёт конец и его, башкирским деревням.

— А есть погибшие башкирские, татарские деревни? — спросил я.

— Пока не погибло ни одной, за исключением нескольких случаев, когда переселяли из-за наводнений, строительства водохранилища, но это гибелью нельзя считать, при переселении ставили новые дома, у деревень сохраняли старые названия, — чуть ли не виновато пояснил он, словно извиняясь за гибель русских деревень, хотя оба мы понимали, что не его, башкира, в этом вина, и торопливо добавил, как бы успокоил меня, словно мне будет легче, что гибель ждёт не только нас, русских:

— И ныне власть: говорит одно, а делает другое, как при Хрущёве: убирают и из башкирских малых деревень школы, больницы. А ушла школа,

считай, деревня погибла. Народ спивается и по причине неясного будущего.

Пометили мы на карте района места погибших русских деревень, как назло, попавшими под руку декоративными булавами-крестиками. И они покрыли собой буквально всю территорию района, заслонив собой кружки и точки, обозначающие ещё живые деревни, независимо от их национальной принадлежности. Жутковатая получилась картина, наверное, с полчаса мы, потрясённые, представив на месте булавок могильные кресты, молча стояли перед картой родного района. И я представил: если вдруг отметить все погибшие деревни на карте России, картина откроется ещё более жуткая. И, если в соответствии с этой картой, на местах погибших сёл и деревень поставить памятные или, скорее, поминальные кресты, потому что только редкие, может, из этих деревень возродятся, то Россия будет представлять собой огромное от границ до границ кладбище, на котором то там, то тут будут вывешиваться даже не города, малые и средние города тоже вымирают, у них даже звание «город» уже отобрали, они униженно называются теперь городскими поселениями, а жутковатые космополитические мегаполисы, центры по обслуживанию газопроводов и нефтепроводов за границу, которые уже не Россия. А если ещё добавить нынешнюю «оптимизацию» образования, медицины,

вступление в ВТО, то скоро можно будет ставить на карте российских деревень последние кресты.

Мы, русские, практически уже почти все — сироты в собственной стране, потому что теперь почти ни у кого из нас, даже из старшего поколения, нет отеческих и тем более уж дедовских гнёзд: сёл, деревень и даже кладбищ. Россия представляет собой огромный расхристанный детдом от границ до границ на огромном расхристанном кладбище.

Из этой безысходной боли родилась горькая повесть-притча, повесть-реквием «Прощание с Матёрой».

Сколько сил отобрала борьба против сатанинского поворота северных рек! Борьба за Байкал! Будучи мудрым, он, перешагнув через себя, как и другой большой русский писатель, Василий Иванович Белов, наивно пошёл в «народные» депутаты, надеясь там каким-то образом помочь родному народу, чтобы убедиться в бесполезности этого дела и вызвать на себя огонь и ненависть всякой нечисти. Наивно хватаясь за каждую соломинку, которая могла бы спасти Россию, на первых порах Распутин поверил в артиста разговорного жанра, «лучшего немца» Михаила Горбачёва.

— Верил, что смогу сделать что-то для людей, но только надорвал душу, — позже признавался Валентин Григорьевич. — Со стыдом вспоминаю, что на первых порах поверил этому ничтожеству.

Потом в поминальных статьях напишут: «С годами подступали болезни. Проблемы с памятью...» Да, проблемы памяти можно списать на возраст. Но врачи другого мнения: аукнулось и то беспричинное с виду жестокое избиение в иркутском дворе. В XIX веке ненавистники России своих идейных врагов под каким-нибудь искусственно созданным предлогом вызывали на дуэль: Пушкин, Лермонтов... Ныне иначе. Сами по трусости, по знанию юридических законов руки не марают, нанимают даже не киллеров, а обыкновенных урок с заданием не убивать, слишком много шума, да и могут докопаться до заказчика, а избить и бить непременно по голове, чтобы отбить память, и можно будет свалить на уличных хулиганов. Примерно в то же время жестоко избьют другого русского писателя, Александра Проханова, у которого перед этим закроют резко оппозиционную антиельцинскую газету «День», редакцию разгромят, и, как и в случае с Распутиным, будут бить по голове, по голове, чтобы лишить памяти.

Об этой печальной поре в жизни Валентина Григорьевича Распутина мало кто, кроме самых близких друзей, знал.

— Потерял бы ногу, руку, но потерять память! — с отчаянием говорил он мне. — Порой, пойду куда по делам и забуду, куда и зачем шёл, возвращаюсь домой, потом вспоминаю. А иногда и вообще не вспоминаю. Пишу

только иногда, больше предисловия к книгам, кому-нибудь из подающих надежду молодых, да и что-то вроде некрологов, друзья уходят. Писать что-то серьёзное уже не могу и по другой причине: что творится вокруг! Хочется куда-то спрятаться от всего этого. Ничего не видеть, не слышать. Замолчать на годы. Тогда, может, что-то вернётся.

Но вернуться было уже не суждено. Может, Господь решил, что он уже написал свои главные книги, сделал всё, что мог, для России, для родного народа. Можно бы отдохнуть. Тем более, что в стране стало что-то налаживаться. Но Господь или кто другой продолжал испытывать его.

В 2006 году в 35 лет погибла дочь, Мария. Распутины гордились дочерью. С отличием окончила Московскую консерваторию по классу теории музыки и органу. Прошла стажировку в Германии. Защитила диссертацию. Преподавала в родной консерватории. Концертировала. С особым волнением готовилась к концертам в Иркутске.

Теперь уж не помню, по какому случаю, но 8 июля 2006 года перед поездкой в санаторий «Карагай» на северо-востоке Башкирии мне непременно нужно было поговорить с Валентином Григорьевичем. Я несколько раз позвонил в Иркутск, я знал, что Распутины там — телефон молчал, тогда я позвонил в Москву. Ответила Маша. Честно скажу, я немного

стеснялся её: молчаливая, если не сказать замкнутая, не щедрая на улыбку. По телефону обыкновенно отвечала односложно, без эмоций. А тут вдруг, чувствую: обрадовалась мне:

— Да, папа в Иркутске, но он за городом на даче. Они с Сергеем наконец дом достроили, вот лечу на новоселье. Хорошо, что позвонили. Хочу посоветоваться, какой подарок купить. Вчера присмотрела на рынке петуха на конёк дома. Как вы смотрите?

— Очень хороший подарок.

— Правда? Тогда куплю. Послезавтра лечу.

На другой день по приезду в Карагай выяснилось, что я не взял ни зубной щётки, ни тапочек. Поехал в районный центр — село Больше-Устьикинское. Заодно посмотреть новый храм, который только что там поставили.

В магазине работал телевизор. Мельком услышал: в Иркутске разбился самолёт, рейс из Москвы. Попросил прибавить звук. В день пять московских рейсов, неужели летела этим?

Оказалось, этим.

Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна оказались свидетелями её гибели. Они приехали в аэропорт её встречать, самолёт уже приземлился. Уже катил по взлётно-посадочной полосе, гася скорость. Уже многие отзвонились, что прилетели. В том числе Маша. Как вдруг самолёт снова стал набирать скорость, пилот, всю жизнь летавший на отечественных самолётах, на «боинге»

нажал не ту педаль, в авиации творилось то же, что во всей стране, было уничтожено отечественное авиастроение, покупали полусписанные самолёты, летали лётчики с купленными в подземных переходах дипломами...

Затем следующий удар. Заболела раком Светлана Ивановна. Неизвестны причины рака, но известно, что рак вызывает, в том числе, и стресс, потеря иммунитета. Я знаю несколько случаев, когда люди заболели раком, пережив большое горе. Светлана Ивановна мужественно боролась с болезнью. Но в 2012 году ушла из жизни. Я очень дорожил фотографией: мы с Валентином Григорьевичем во главе застолья в Мемориальном доме-музее С. Т. Аксакова в Уфе во время одного из аксаковских праздников, между нами Светлана Ивановна, тихие улыбки на их лицах. Увидев эту фотографию, её выпросила у меня, можно сказать, забрала силой через несколько лет посетившая музей великая русская певица Елена Васильевна Образцова: «Я никогда не видела его таким умиротворённым, словно свершились все его мечты...». Теперь и её нет...

Болезни наваливались на него одна за другой. Самое страшное: всё хуже и хуже становилось с памятью. К нему по-прежнему обращались с просьбами, обижались, когда он отказывал. Однажды, встретив его в Союзе писателей, я попросил у него новый номер мобильного телефона: не могу дозвониться.

— Ты думаешь, я его помню, — виновато улыбнулся он. — Да и постоянно забываю мобильник дома, вот и сейчас. Мало кто знает о моей трагедии. Приходится делать вид, что ничего не случилось. Врачи ничем не могут помочь.

Потом начались проблемы с почками. Потом обнаружили рак простаты. При удалении аденомы простаты заразили гепатитом С. Теперь он кочует из больницы в больницу, не миновал и Российского онкологического центра. Старается больше находиться в иркутских больницах, в смысле лечения, может, помогает и меньше, но люди добрее, отзывчивее и родной прибайкальский воздух.

Всё это будет известно потом, после его смерти, он тщательно скрывал свои беды не только от посторонних, может, стараясь раньше времени не лишать миллионов людей духовной опоры, которой он для них был. Знающие о его бедах боялись его тревожить. А он, по себе знаю, радовался каждому звонку. Несмотря на любовь родных и миллионов читателей, он был очень одиноким по жизни человеком. Я всё думаю: за что и кем ему были даны все эти испытания?

Последняя его книга, которая вышла при жизни: «Эти двадцать убийственных лет». Убийственных для российского народа, совестью которого он был.

Он был истинно русским писателем, но у него были свои, порой горькие вопросы к великому русскому народу, которые задавал

ещё Константин Сергеевич Аксаков. Почему мы не любим идти во власть, объясняя это своей совестью, а потом стонем, когда нам на шею сядет с плёткой какой-нибудь варяг. Впервые привожу один наш разговор.

— Миша, прости меня за такой вопрос: ты чисто русский? — неожиданно спросил он меня однажды на берегу Байкала, когда мы остались вдвоём.

— Вроде бы... — удивился я вопросу. — И по отцу, и по матери из приписных крестьян уральских заводов. Но ведь беда наша, что дальше деда, в лучшем случае, прадеда мы не знаем своих предков. Я, к примеру, только уже при седой бороде стал копаться в родословной, дошёл до начала XVIII века, когда они оказались на уральских заводах. А откуда были переселены, у какого помещика были куплены? Вон татары, к примеру, до XIV века, а то и раньше знают своих предков.

— А у меня много кого намешано. В роду и ссыльный поляк, и цыганин, кажется.

— А почему ты это спросил?

— Понимаешь, чисто русский ныне какой-то инертный, на исходе, на излёте исторической судьбы, что ли. Без воли, потеряв в себе веру. Поплакать по погибающей Руси, разорвать в пьяном угаре рубаху. А ты такой деятельный.

Валентин Григорьевич никогда не демонстрировал своей веры в Бога, как многие из нас ныне,

остающиеся в душе неверующими, хотя был поистине верующим и в этой вере был строг к самому себе. В одном из писем, которые я теперь перечитываю только с лупой, таким мелким был его почерк, он писал мне: «Миша, боюсь, что ты прав, что мы, скорее, хотим верить, чем веруем на самом деле». Это его мучило до последнего дня. Он был истинным христианином, он простил В. П. Астафьева, в отличие от не простивших его учеников, за его постыдный для большого русского писателя флирт с ельцинской властью, в надежде получить Нобелевскую премию, за что та издала его собрание сочинений в 17-и томах, но, не включив его знаменитые «антисемитские» письма к травившему его многие годы литературоведу Н. Эйдельману. Простил за оскорбительные выпады против себя и такого же, как В. П. Астафьев, фронтовика, большого русского писателя Юрия Васильевича Бондарева и даже поехал искать примирения на могилу Астафьева. Он простил возмнившего себя чуть ли не вторым Иисусом Христом Александра Солженицына, сначала, вслед за лютым врагом России премьер-министром Англии Уинстоном Черчиллем, призывавшего Америку подвергнуть атомной бомбардировке Советский Союз, ненавистный коммунистический режим, видимо, и ему было не жалко, что вместе с ненавистным режимом и даже раньше его (режим может отсидеться в

подземных бункерах) в горниле атомной войны сгорит горячо любимый им русский и прочий многострадальный российский народ. Из изгнания проще всего было прилететь самолётом в Москву, но нет, по правилам пошлой пиар-компаний, телевизионного шоу, Александр Исаевич апостолом ступит на российскую землю во Владивостоке и, пророчествуя по пути, поедет поездом через всю Россию. Это потом, когда его, как отработанный материал, дорвавшиеся до власти внуки пламенных революционеров небрежно отодвинут в сторону, он заговорит о сбережении русского народа. Валентин Григорьевич даже принял Солженицевскую премию, потом будут говорить, что он якобы дорожил ею больше других премий. Зная, что, мягко говоря, я без восторга принял факт принятия им этой премии, хотя никогда не говорил ему об этом, он однажды опять-таки на Байкале, как бы оправдываясь, сам начал этот разговор: «Надо как-то соединять разорванные русские ветви, в последние годы Солженицын многое понял». Я отмолчался. Как истинный христианин, Валентин Григорьевич пытался соединить в русском народе, может быть, не соединимое, как Вячеслав Михайлович Клыков пытался соединить не соединимое в славянстве.

Валентин Григорьевич не любил неискренность и болтунов, прежде всего, в писательской среде, искал и воспитывал людей,

которые что-то реально пытались делать, кроме того, что писали. Слово ещё неизвестно когда и в ком отзовется, а спасать Россию нужно реальными делами сегодня. К нему лезли, как сначала и я, просили что-то возглавить, за кого-то заступиться, трудно было выдерживать всё это, иногда выводило из себя. Он мечтал об уединении, покое, это редко удавалось, он не мог изменить русла жизни, однажды выбрав его. Он не мог изменить своей совести, которая была шире его. Он, конечно, понимал, что не принадлежит только себе и семье, он понимал, что он — орган народного организма, название которому совесть. Своего рода компас, и для многих тысяч людей он был и совестью и компасом одновременно. И крест этот нёс, страдая, но, не страдая гордыней, что было, может, ещё труднее.

В лихие 90-е, да и позже, в так называемые нулевые, стрелка народного компаса металась из стороны в сторону, искала, прежде всего, духовной опоры. Нарождался или возрождался класс предпринимателей, который должен был вывести страну из тупика. Он был разным. Одни, выбросив совесть на помойку, торопливо расхватывали то, что осталось от неуспевших до конца растащить, приватизировать, представителей шустрого «малого народа», другие пытались встать на ноги честным трудом, их одинаково гнобили и государство, и бандиты, первое — непомерными налогами и чиновничьими

поборами, вторые — ракетом, который мало отличался от чиновничьих поборов, непокорных убивали. Но ради справедливости нужно сказать, что порой братки и члены всевозможных ОПГ были больше патриотами России и державниками, чем тогдашняя кремлёвская власть. Не все были ангелами, и кто на первых порах помогал Аксаковскому фонду: Сашу Иванову убили в собственном кабинете, другого предпринимателя судили 6 раз, каждый раз суд признавал его невиновным, а его арестовывали снова и снова, пока не повесили в СИЗО, третьего, собравшегося мне помогать, моего бывшего дипломника в бытность моей работы в газете, но бросившего журналистику, как он говорил, по причине принадлежности её к первой древней профессии, окончившего военно-морское училище и закончившего службу в чине контр-адмирала, решившего на пенсии заняться нефтяным бизнесом, расстреляли из автомата Калашникова в Москве в подъезде собственного дома. Через много лет станет известно: бывшего военного моряка застрелил бывший военный моряк-подводник Пуманэ, ставший знаменитым киллером. Из далёкого Калининграда на двух машинах катила банда киллеров, мечтающая встретиться со мной, потому как в интернете они выудили, что учредителем фирмы задолжавшего им крупную сумму предпринимателя (у него такие же бандиты увели железнодорожную цистерну с бензином),

был Аксаковский фонд. Уже на самом подходе к Уфе, в Мемориальном доме-музее С. Т. Аксакова в это время шёл детский праздник, их перехватили ребята из службы позже застрелившегося легендарного генерала КГБ Леонида Шебаршина.

Во время одного из Аксаковских праздников, на чаепитие в Мемориальном доме-музее С. Т. Аксакова в Уфе, узнав, что на нём будет присутствовать Валентин Григорьевич Распутин, напросился один из крутых предпринимателей первой волны.

— Можно я подъеду, — обычно недоступный и неприступный, неожиданно позвонил он мне. — Можете меня не представлять, я просто посижу в уголке и послушаю, на телеэкране теперь его не увидишь, по радио не услышишь. И газеты его больше не печатают.

Валентин Григорьевич под впечатлением поездки в Аксаковский историко-культурный центр «Надеждино», после службы в Димитриевском храме с горечью рассказал, как пытается построить на своей родине, в районном центре, куда пришлось переехать после гибели Аталанки, церковь, но дальше фундамента дело не пошло, в селе народ обнищал, ходить по богатым с протянутой рукой не в его правилах. Тем не менее, к одному сунулся, ко второму — отказали. Когда вечер закончился, предприниматель спросил его:

— Когда вы уезжаете?

— Сегодня, часа через два.

— Сегодня поздно, банки уже закрыты, передам через Чванова.

Валентин Григорьевич, не поняв сказанного, недоумённо пожал плечами.

Через день я позвонил ему:

— Поезд «Москва — Владивосток», вагон 7, проводник Сергей. В Иркутск приходит ночью. Возьми паспорт, в темноте он может тебя не узнать. Один не встречай. Возьми сына Сергея и ещё какого-нибудь крепкого парня. Там будет посылка.

— А что за посылка?

Я не мог по телефону сказать, что там будет крупная пачка долларов, потому сказал первое, что пришло в голову:

— Мои книги.

— А что, ты не мог отдать мне их в Уфе? — В голосе Валентина Григорьевича было некоторое раздражение. — И что, они такие тяжёлые, что надо несколько мужиков?

Когда Валентин Григорьевич через несколько дней растерянно позвонил, что получил посылку, я ему объяснил:

— Это тебе на храм. Ты, наверно, думаешь, что этот человек завалил Аксаковский фонд деньгами. Он не дал в фонд ни копейки, он пришёл в музей, чтобы увидеть и услышать тебя. Он дал деньги именно тебе, Распутину! Ему не надо никаких отчётов. У него единственная просьба, чтобы ты нашёл надёжного мужика-строителя, который не пустил бы их по ветру или по карманам.

Позже Валентин Григорьевич рассказал мне, что на каком-то

приёме у губернатора тот спросил, как обстоят дела с церковью? Он ответил. «Плохо. В селе народ нищий, а ходить по богатым с шапкой... А вот поехал в Башкирию на Аксаковский праздник, никого не просил, вдруг мне дали, что хватило сруб поставить да кое-что из стройматериала приобрести». Губернатор пригласил предпринимателей, пристыдил, так удалось достроить храм. А потом я позвонил в Каменск-Уральский члену Попечительского совета Аксаковского фонда Николаю Геннадьевичу Пяткову, колокола которого по всей России и в православных храмах по всему земному шару, который отливал колокола для Свято-Никольского храма в самом древнем русском селе на территории нынешней Башкирии в селе Николо-Берёзовка на Каме и для Димитриевского храма в аксаковском Надеждине: «Отлей, пожалуйста, без очереди...» «И с большой скидкой», — за меня добавил Николай Геннадьевич. Так на родине Валентина Григорьевича заговорили колокола, родственные аксаковским.

В один из моих приездов в Иркутск, — мы тогда с В. М. Клыковым искали в городе место для памятника расстрелянному там А. В. Колчаку, против памятника в общей ненависти объединились коммунисты и либералы, и городская дума проголосовала: не давать под него землю под памятник, к нам в гостиницу неожиданно пришёл предприниматель,

у которого была выкупленная земля на Ушаковском рынке недалеко от места, где Колчака расстреляли, и предложил там поставить памятник, раз другого места в городе не оказалось. В конце концов памятник встал около Знаменского монастыря, в котором Валентин Григорьевич будет похоронен. Валентин Григорьевич повёз меня в его Усть-Уду, которая в какой-то степени заменила ему затопленную Аталанку, как оказалось, для инспекторской проверки, как были израсходованы деньги. Он пытался мне вручить нечто вроде финансового отчёта, разные там счета и накладные, я решительно отказался и предложил в качестве отчёта сфотографироваться на память на фоне свежего сруба.

Последнее время я редко бываю в Москве. Минувшей осенью, будучи в Москве пролётом в Пятигорск на Международный литературный форум «Золотой витязь», я планировал навестить Валентина Григорьевича, в его телефонных звонках было всё больше и больше печали. Но в Союзе писателей мне сказали, что он где-то в подмосковном санатории, и я не стал звонить ему на домашний телефон, хотя было чувство, что нужно было позвонить. Вернулся в Уфу, не заезжая в Москву: лишь переезд из аэропорта в аэропорт. И вдруг его звонок: «Я узнал, что ты на днях был в Москве. Я знаю, тебе сказали, что меня не было в городе. А я как раз на день приезжал. Жалко, встретимся ли ещё...»

Я пытался его успокоить: в следующий раз обязательно заеду. По зиме специально приеду.

Следующего раза не получилось...

А в Аксаковском историко-культурном центре с символическим названием Надеждино, на родине великого печальника славянства и Земли Русской, Ивана Сергеевича Аксакова, около стены храма во имя Дмитрия Солунского, покровителя всех славян и русского воинства, в котором в Дмитриевскую поминальную субботу служба по всем убиенным за Родину, «за други своя», рядом два дерева, посаженных Вячеславом Михайловичем Клыкковым и Валентином Григорьевичем Распутиным.

Письма В. Г. Распутина

19.08.2002. Иркутск

Дорогой Миша!

Решаюсь я всё-таки поднатянуть свои жилы и приехать в Уфу. Что делать! — дав слово, держись! Но это может произойти лишь в том случае, если вы оплатите мне дорогу из Иркутска и обратно, просить у нашей администрации я уже не могу, потому что поездка в Москву в начале сентября всё равно состоится и устраивает её она, администрация. В Москве я буду даже в конце августа, числа 29-го, а числа 10-го сентября возвращаюсь в Иркутск. Выходит, что ненадолго.

Хорошо, если бы ты мне позвонил в Москву (244-02-36) в

последние августовские или первые сентябрьские дни (затем могут улететь в Тобольск) и разъяснил следующее:

а) когда выезд из Москвы в Уфу и поездом или самолётом? 26-го или днём раньше?

б) на сколько? Вполне может быть, что я буду возвращаться несколько раньше. Но это в зависимости от того, как долго останется основная группа.

в) будут ли поездки внутри вашей республики?

г) будет ли Савиных (член попечительского совета Аксаковского фонда дважды Герой Советского Союза лётчик-космонавт В.П. Савиных — **М. Ч.**)? Конечно, мне очень хотелось бы заарканить его затем в Иркутск. Я, не удержавшись, уже обещал его у нас. Как и тебя. Как и В. Ильешевича, который, кажется, тоже мобилизован тобой. Эх, узок круг наш, узок!

Остальные вопросы, которые непременно появятся, я задам уже при разговоре, но предварительный разговор обязательно нужен.

Извини, что огорчил тебя предварительным отказом, но лучше проверить надёжность крючка заранее, чем срывать с него в последний момент.

Обнимаю тебя.

В. Распутин

04.01.04. Москва

Дорогой Миша!

Хоть и с опозданием — с Рождеством Христовым тебя и с

Новым годом! И пусть ангел-хранитель не оставляет тебя, как он не оставлял до сих пор!

До Николая Пяткова я дозволился, и о заказе мы с ним договорились, теперь буду добывать деньги. Но пока отправляюсь завтра в больницу по накатанной дорожке в Обнинск, где лечились Валерий Николаевич и Игорь Ляпин. А теперь и мне приспело: здесь болит, там болит, то ли «пугают», то ли берусь всерьёз. На чужих ветрах сибиряки слабнут, я это давно замечаю.

Больше недели, прихватив и новогоднюю ночь, промаялся в гриппе; хоть завтра и еду, а не знаю, возьмут ли с моими «признаками».

25 декабря должна была состояться в «НС» (журнал «Наш современник» — **М. Ч.**) редколлегия, но не состоялась. И узнать, что с твоей рукописью не удалось. За десять дней до нового года никого в редакциях, и спустя две недели — никого. Глушь, безлюдье, тишь и гладь. В союзе жизнь начнётся в феврале: кажется, 2-го пленум, а затем два дня ВРНС (Всемирный Русский Народный Собор — **М. Ч.**), тогда, надеюсь, и увидимся.

Президент ваш (президент Республики Башкортостан М. Г. Рахимов — **М. Ч.**) остался — хорошо. В Думе перемены тоже неплохие. А надежды не прибывает. А годочков уже под 70. Одно утешение: как всякая перелётная птичка, начинаю я уже принюхиваться к восточному ветру, когда потянет весной.

Спасибо, что добыл ты мне координаты М. Пяткова. Перед Сибирью, может быть, удастся съездить к нему. Дал бы Господь здоровьишка, а так-то чего...

Обнимаю тебя.

В. Распутин

22.08.06. Иркутск

Дорогой Миша!

С большим опозданием поздравляю тебя с Большой литературной премией. Премия «Большая», но и соискателей становится всё больше. Я рад за тебя, правда, при вручении я не обнаружил тебя на фотографии (или уж вижу до того плохо, что своих не узнаю), и всё-таки не было — или уезжал куда, или болел.

О нашем несчастье ты знаешь. Вот и сорок дней прошло, а боль и пустота нисколько не меньше. Вот теперь я определённо взял направление на «выход». Едва ли смогу писать; понадобилось сделать одно небольшое предисловие — сидел-сидел и не смог. Подвёл Володю Толстого: пообещал статью, но из камня выдавливались только слёзы. От всякого общения бегу; чтобы не быть на «Сиянии России», согласился с театром (везут «Матёру») поехать в Монголию. Ко мне, видимо, и подступаться тяжело: один рядом с не перестающей плакать женой. Желание одно: исчезнуть, так сказать, на собственных ногах, забиться в такой угол, чтобы нельзя было выковырнуть.

Я всматривался в тебя после кончины жены: мужественная

жизнь смолоду наделила тебя мужеством на всю жизнь. И ты не выронил пера из рук. А я вот этого — выронить — боюсь больше всего.

Ну да ладно, будем как-нибудь жить. В сентябре нам со Светочкой придётся, вероятно, на неделю приехать в Москву, чтобы выполнить кое-какие необходимые формальности, а затем опять в Иркутск до ноября — декабря, не обойди, пожалуйста, Миша, когда будешь в Москве.

До чего тяжёлый год: С. Климов, С. Викулов, И. Стрелкова! И многие, многие другие. Накануне Серёжа Лыкошин...

Ещё раз поздравляю, Миша, с премией. Это вовремя. Едва ли ошибаюсь: писат. нашему союзу осталось жить лет десять. А вот твоё аксаковское дело, верю, надолго.

Обнимаю тебя.

В. Распутин.

13.01.07

Дорогой Миша!

Пишу в канун старого нового года, поэтому ещё не поздно поздравлять тебя с русским новолетием и пожелать тебе сил и терпения.

Я ведь тоже теперь живу по инерции, надо — и поднимаешься, садишься за стол или идёшь куда-то, а по дороге и понять не можешь, куда и зачем идёшь. Всё писательство (помнится, в сентябрьском письме ты говорил о том же) — некрологи, воспоминания об ушедших (С. Лыкошин,

Ю. Адрианов и др), предисловия к чужим книгам, но и это всё с трудом. Началось это ещё до гибели Марии, а после уже усугубилось. Прошло полгода, и мало кто верит, что за это время нельзя восстановить силы, приступают бесцеремонно: ты должен!... Должен не должен, а не могу, и вернётся ли это чувство долга, не знаю.

Удивился я и ещё одному совпадению с твоим то ли настроением, то ли ощущением: мы больше хотим верить, чем веруем на самом деле. Во мне это точно есть. Пытаешься погрузиться — и не получается, чувствуешь себя рядом с батюшками и верующими серьёзно обманщиком. Я с владыкой нашим говорил об этом, он успокаивает: «Да вы верующий больше, чем верующие по всем буквам веры», но я-то знаю, что это не так и что своей откровенностью я ставлю добрейшего нашего владыку в неловкое положение.

В Москве мы с 1 декабря, и по сию пору я старался в свет не выходить. Теперь уже придётся: через три дня 80-летие Е. И. Ташкова, режиссёра, снимавшего «Уроки французского», через неделю не то 70, не то 75 Михаилу Ножкину. А там колесо по московской брусчатке загремит всё учащённей и быстрее. О своём юбилее стараюсь не думать, но в большой зал всё равно не пойду и события из этого делать не стану. Ничего по доброй своей воле — разве что как Стеньку Разина в

путах и кандалах повезут на лобное место.

Надеюсь на скорую встречу, Миша. Хотя чаю попьём, если уж для водки не годимся.

А на «шевроле», подаренном президентом, мы ещё прокатимся по вашим просторам. Если летом, как расплата за несостоявшуюся зиму, не выпадут снега.

Обнимаю братски.

В. Распутин

24.10.07 Иркутск

Дорогой Миша!

Спасибо за письмо — и так обидно, что не пришлось тебе побывать у нас. А хуже всего, что и последние деньги вытряс на бандитскую авиацию. (Я должен был лететь через Москву, прямых рейсов из Уфы давно нет, в Иркутск на праздник «Сияние России», но из-за срыва рейса авиакомпанией полубандитской «ВИМ-авиа» у меня сторел весь ряд авиабилетов — **М. Ч.**) Остался ли билет из Уфы? — ведь его можно возместить. Если остался, вышли ты его мне, пожалуйста, без комплексов, и пока я здесь, мы хоть его выведем на суд праведный.

Летал нынче в начале сентября в Москву. На трап пришлось подниматься, потому что потребовалось (сроки выходили) подтверждение, что льготы свои «геройские» я по-прежнему готов получать в рублях. Почему каждый год надо подтверждать и половину этих льгот выбрасывать на прибытие к месту

подтверждения? Вся процедура заняла вместе с метро полтора часа, а прогулка по воздуху туда — сюда 15 тысяч. Летали к тому же вместе со Светланой, но это уж был её каприз, с которым я не стал спорить. В себя она ещё не пришла, приходится считаться и с этим.

За жизнь свою я летал много, даже очень много. Не боюсь летать и теперь.

Но стало противно, до того противно, что готов был стонать от какого-то неприятного сжатия внутри. И народ, показалось мне, летает теперь притаённый, невесёлый, но это, возможно, признаки времени, существующие и на земле тоже.

В Москву отправимся, вероятнее всего, в середине ноября. И до начала апреля там, не проходи мимо.

«Сияние», на которое ты не попал, прошло у нас неплохо, всюю гарцевал Савва (С. В. Ямщиков — известный искусствовед и реставратор — **М. Ч.**), но чувствуется: выдыхается наше «Сияние» (в 19-й раз), нет уже ни задора, ни уверенности, что наработал он в этот раз столько-то и столько-то. Стареет, видимо, всё, что набирает годы. Устаёт. 20-е «Сияние» мы, конечно, проведём и постараемся собрать лучший народ, а уж там... как Господь позволит. Я уже два года выполняю всего лишь подсобную роль, а затем и это не смогу.

Вот уже два года работать не могу совершенно. Миша, пробовал

предисловия, сижу по две недели над двумя-тремя страничками и результат дохлый. Настаиваю, всё верится, что вернётся хоть половина слова — нет, или пусто или через пень-колоду. Придётся доживать в молчании, я с этим уже смирился. А что ещё оставалось?

Аброщенко кланяюсь (В. В. Аброщенко — уфимский предприниматель и общественный деятель, член попечительского совета Аксаковского фонда — **М. Ч.**). Есть люди и в наше время. Это и поддерживает дух. Вот они-то и выведут нас. Верю, что выведут. Ведь каждый такой Аброщенко за тысячу (больше!) стоит — и выстоят. Только, вероятно, уже без нас. Нет, ты-то застанешь и будешь свидетелем и как-нибудь и мне об этом сообщишь.

У нас первая зима. Сижу на даче, как в норе, а вокруг белым-бело и тихо. И верится, что всё в свете и человеке выстоит всё-таки на своих собственных основаниях, и нам, глядишь, поможет.

Обнимаю тебя.

В. Распутин.

30.06.08 Москва.

Дорогой Миша!

Давно мы не перекликались с тобой, давно ты, по-видимому, не был в Москве, и никакие слухи о тебе не доносятся. Правда, и я на Комсомольском бываю редко, по летнему времени там никого и не застанешь. А я нынче застрял в Москве, и когда

вырвусь — неведано. Заболела Светлана, сделали операцию, и теперь на всё лето с небольшими перерывами химиотерапия. Дай Бог, чтобы в августе хотя бы дней на десять вырваться.

Не работаю и, наверное, уже не смогу. Дежурные фитиольки приходится делать, но и в них уже не моя рука. Говорю об этом, не жалуясь, да и воспринимаю своё новое положение спокойно. Богатыри — не мы, «не я» — надо говорить, а богатырские подвижники у нас есть.

Хотел бы послать В. В. Аброщенко свою «Сибирь» (привезли из Иркутска десяток экземпляров, а до того не было), но опасуюсь, что по летнему ненадёжному времени вдруг некому будет получить, и завернут обратно. Вспоминаю его часто. Вообще Уфу вспоминаю часто. Она до сих пор щедра ко мне. На днях в Госуд. (Ленинской) библиотеке Савва Ямщиков устраивал презентацию своей книги. Я был среди зрителей. И вдруг подсаживается ко мне женщина и протягивает баночку башкирского мёда. Я: да не надо, да что вы! — а она пристыдила меня, вручила и отошла, я потом и не нашёл её. Пришлось и самому себя пристыдить, но мёд был таким душистым — запашистым, что и стыд мой в нём растворился.

В августе Валерию Николаевичу 75, а до конца года (может быть, с заездом в новый год) надо будет проводить съезд. 75 — это, конечно, много, но и замены,

кажется, нет. Худо-бедно, но он сохранил союз, а что дальше может быть — Бог весть.

Доброго тебе лета, Миша, доброго настроения, работы и, конечно, отдыха.

Обнимаю.

В. Распутин

26.07.08.Москва.

Дорогой Миша!

Спасибо за скорый отзыв. Ты, слава Богу, продолжаешь жить полнокровной приключенческой жизнью, как в молодости, если на тебя бросают взгляды не только женщины, но и профессиональные воры (история в Болгарии). А я заkis по всем статьям. Остаться на лето в Москве, хватать воздух, как рыба, выброшенная на песок, — я подозревал, конечно, что это испытание, но не такое же, в котором оказался... Надеюсь хоть на недельку в начале августа слетать в Иркутск и набрать там во все жабры родного дыхания, но ещё нет полной уверенности, что получится.

На Аксаковский праздник едва ли приеду. Химиотерапия у Светланы займёт ещё и август, и сентябрь. Но это не единственная причина, показывать меня народу уже нельзя, в этом качестве сдох окончательно. Более полугода пытался хоть немножко вернуть свою память под руководством академика из Сеченовской мед.академии, выбросил на лекарства уйму денег, но лучше не стало, стало ещё хуже. Собираюсь бросить: живут же глухие,

немые, а чем я хуже? В России сейчас только глухим и немым да жить... По этой же причине и писать не могу. Сижу днями над односторонним текстом — и без толку.

Кандидатура Стаса Куняева на Аксаковскую нынешнюю премию мне кажется очень достойной. Несмотря на ваши разногласия с журналом. Не торопись ты, Миша, выходить и из редколлегии. Приедет Стас, поговорите, и тогда будет ясно, что делать.

А твою работу о Нансене, конечно, надо печатать. Не со всем я в ней согласился, но статья нужна, очень нужна. Слова Казинцева: ну, был хороший человек, ну и что? — всерьёз принимать нельзя. Ни хороший человек, ни плохой по справедливости не должны быть забыты. А уж о такой могучей фигуре, как Нансен, и говорить нечего. И пусть не в каждом городе ему надо ставить памятники, как ты, разгорячась, предлагаешь, но и единственный московский памятник, о котором даже я не слышал, это пшик, не более того.

В чём мои претензии, очень осторожные, на которых я не могу настаивать. Прежде всего, в твоей горячности, о Нансене надо говорить спокойно, тогда и убедительно будет. А сцена, к примеру, с Калининым, который при встрече с Нансеном пил пустой чай, а когда тот ушёл, отправился откусать в спецбуфет и т.д. И на абзац с правителями-недоумками... я говорю не о том, что

это несправедливо, а о не подхо-
дящем к этой статье тоне, иногда
у тебя прорываемся. Нансен,
конечно, тоже многим в России
возмущался, но сдерживал себя в
интересах дела. Бери и ты пример
со своего великого героя. Прости
за нравоучения, не удержался.

Повторю: статья эта очень
и очень нужна. Ради справед-
ливости, как российской, так
и мировой. Если же не «НС»
— есть ведь ещё и ганичевский
«Роман-журнал», есть област-
ные журналы, в том числе
«Сибирь».

В. Н. Ганичеву 3 августа 75,
ты очень и очень прав, говоря о
его значении в наше время. Я со-
гласился, несмотря на свою инва-
лидность, написать о нём статью
в газету («Сов .Россия»). И, ка-
жется, запорол... дал посмотреть
В. Н., а он, бедный, не знает, как
отозваться.

О-хо-хо! Старость — не ра-
дость, все грехи наружу. Но я
научился относиться к этому
спокойно. Однако же обидно,
что не понимают, считают, что
я сознательно, в каких-то своих
расчётах, ухожу с поля боя. Ну,
ничего, и это пройдёт и быльём
зарастёт.

Обнимаю тебя, Миша. И про-
сти, если ненароком обидел.

В. Аброщенко книгу собира-
ешь отправить.

К сему

В. Распутин

23.11.08.

Дорогой Миша!

На последнее, да и давнее уже
письмо твоё я ответил, да ведь
не до конца, а потом и пропал.
Я хочу подсказать, чтобы статью
свою о Нансене, если она ещё не
устроена, ты отправил в Иркутск
Васе Козлову. Никакой памяти
у меня не стало. И это уже не
оговорка. Рак у жены, операция
и до сих пор химиотерапия. Я
дважды терял сознание и вместе
с тем терял память. Сейчас вот
уже месяц в больнице, пыгаются
вернуть или, вернее, закрепить
остатки, но получается плохо.
Писать теперь уже окончательно
не смогу. Да и говорю кое-как.
В сторону отступить дело нехи-
трое, так я и делаю, лишь бы не
повторялись удары.

Говорю об этом не для того,
чтобы пожалели: но вот стран-
ность: именно в эту-то пору, ког-
да в голове стало просторно и пу-
сто, я и вспомнил о Нансене, о
том, что работа-то твоя, должно
быть, до сих пор отдыхает. Со-
слаться можно на меня, когда бу-
дешь писать Козлову.

Адрес журнала: 664025, Ир-
кутск, ул. Степана Разина, УО
журнала «Сибирь», Козлову Ва-
силию Васильевичу.

Впереди вроде писательские
сборы — может быть, и встре-
тимся. Дошла ли до Аброщенко
«Сибирь»?

Обнимаю тебя. В. Распутин